

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕДЕЛОВ ПРАВОМЕРНОСТИ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ В ИСТОРИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

Станкевич А.М.¹, Наумов В.В.¹

¹ *Негосударственная образовательная организация высшего профессионального образования некоммерческое партнерство «Тульский институт экономики и информатики», Тула, Россия (300024, г. Тула, ул. Рязанская,1), e-mail: sistersashenka86@yahoo.com, nw1984@yandex.ru*

Рассмотрение истории развития института крайней необходимости в российском уголовном праве не теряет своей актуальности на сегодняшний день. Нами проведен анализ различных позиций ученых по обозначенной проблематике (Домахина С.А., Кистяковского А.О., Лохвицкого А., Пионтковского А.А., Плешакова А. М., Таганцева Н. С., Шкабина Г.С.). С точки зрения законодательной техники следует признать весьма удачной формулировку, определяющую опасность в УК РСФСР 1926 г., которая позволяет признавать крайнюю необходимость состоянием, возникшим как в момент, когда вред правоохраняемым отношениям причиняется, так и в момент возникновения угрозы причинения такого вреда. Подобное толкование временных границ крайней необходимости стало возможным в связи с использованием в норме, ее регламентирующей, указания на неотвратимую другими средствами опасность.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния, крайняя необходимость, условия правомерности

DETERMINATION OF EXTREME NECESSITY LIMITS IN RUSSIAN CRIMINAL LAW HISTORY

Stankevich A.M.¹, Naumov V.V.¹

¹*Nongovernmental educational establishment of higher professional education non commercial partnership «Tula institute of economics and informatics», Tula, Russia (Tula, Ryazanskaya Str. 1, 300024), e-mail: sistersashenka86@yahoo.com, nw1984@yandex.ru*

Review of the extreme necessity institute history in the Russian criminal law is very relevant today. We had analyzed the different scientists views regarding this matter (Domakhin S.A., Kistyakovkiy A.O., Lohvitskiy A., Piontkovskiy A.A., Pleshakov A.M., Tagantsev N.S., Shkabin G.S.). By the point of view the wording of «danger» used in Criminal code of 1926 should be recognized as successful from the legislative technique point of view because it allow to determine the extreme necessity as a condition arising at the time of damage inflicted to legally protected relationships, and in case of threat of such harm. Such an interpretation of the extreme necessity time limits became possible due to the indication of imminent by other means danger in the relevant provision of law.

Keywords: legal excuse, extreme necessity, terms of eligibility

История развития института крайней необходимости в российском уголовном праве неразрывно связана с историей развития учения о преступлении.

В отличие от зарубежного, в отечественном средневековом законодательстве нормы, предусматривающие непроступность или ненаказуемость причинения вреда «в состоянии нужды», практически отсутствовали. В качестве основной причины подобного положения историки называют позднее приобщение России к общеевропейской правовой традиции, которая была основана на римском праве.

Круг благ, угрозу которым создавало состояние крайней необходимости, был достаточно ограничен. Так, А.О. Кистяковский отмечал: «Такое ограничение не может быть оправдано сущностью вещей. Бывают случаи, где крайняя необходимость может служить достаточ-

ным извинением правонарушений, совершенных для спасения и других благ, кроме жизни и целостности телесной» [3].

Большинство российских теоретиков уголовного права придерживались субъективного обоснования крайней необходимости. Н.Д. Сергиевский полагал, что состояние крайней необходимости уничтожает вменяемость, а лицо лишается возможности «руководствоваться нормами права» [9]. Н.С. Таганцев расценивал деяния, совершенные в состоянии крайней необходимости, как ненаказуемые, так как «юридическое свойство» таких действий – это то, что они являются эффективными средствами борьбы за право и уголовное наказание здесь должно исключаться. Применение наказания в состоянии крайней необходимости является бесцельным и с точки зрения преступника, и в интересах общества» [11]. Г.Е. Клоков объяснял ненаказуемость крайней необходимости также бесцельностью наказания с точки зрения как общего, так и специального предупреждения; невозможностью требовать от среднего гражданина героизма, при котором он был бы способен перенести эту опасность; бессилием карательной угрозы удержания лица от совершения преступления в рамках крайней необходимости [4].

Особый интерес вызывает то обстоятельство, что большинство русских юристов допускали защиту собственной жизни за счет гибели другого человека. А. Лохвицкий такую ситуацию проиллюстрировал на примере. «Стая волков преследует двух едущих в санях, один из них ввиду неизбежной смерти хватает товарища и бросает животным, чтобы задержать их и иметь время ускакать, или, что случается часто, во время кораблекрушения – на лодке нет места всем, кому угрожает смерть. Один из оставшихся сталкивает в воду впереди стоящего, чтобы захватить его место» [6].

Теория уголовного права признавала ненаказуемость деяния, совершенного в состоянии крайней необходимости, но оценивала такие действия как противоправные. В уголовно-правовой доктрине того времени выделяли следующие виды воздействия: физическое (*vis absoluta*) и психическое (*vis compulsiva*). Относительно состояния крайней необходимости учитывали психическое принуждение и непротивность деяния, оценивая соотношение вреда, причиненного по отношению к вреду предотвращенному, также оценивая и субъективное мнение лица по отношению к тому, какое из благ более ценно по правилу «закон не может требовать геройства» [6].

В Уложении 1903 г. впервые в отечественном законодательстве крайняя необходимость приобретает универсальный характер. Причинение вреда возможно при спасении не только абсолютных ценностей (жизни лица, которое причинило вред, и других лиц), но и для сохранения иных интересов уголовно-правовой охраны.

На законодательном уровне введен новый критерий непроступности причиненного по необходимости вреда – осознание лицом качества опасности и причиняемого вреда и его произвольный выбор («если учинивший имел достаточным основание считать причиняемый им вред маловажным») по сравнению с охраняемым благом.

Пределы правомерности определялись на основе объективного критерия, путем сопоставления причиненного и предотвращенного вреда. Данное правило стало основополагающим и применялось в дальнейшем на всем протяжении развития советского уголовного законодательства. А.А. Ворблевский и Б.С. Утевский, комментируя Уголовный кодекс 1922 г., указывают, что «вопрос о том, является ли причиненный вред “менее важным” по сравнению с охраняемым благом, или нет, решает суд, причем для решения вопроса совершенно безразличен субъективный момент, то есть каким представляется причиненный вред действовавшему (менее важным по сравнению с охраняемым благом или более важным). Важен лишь объективный момент: наличный причиненный вред, который сопоставляется судом с важностью охраняемого блага» [1]. Этот же аспект подчеркивает и С. Канарский, отмечая, что при установлении пределов крайней необходимости «важен лишь объективный момент: наличный причиненный вред, который сопоставляется судом с важностью охраняемого блага» [13]. А.А. Пионтковский, давая социальное обоснование крайней необходимости, говорит, что лишь в этом случае «общество объективно остается в некотором выигрыше» [7]. Следует согласиться с мнением А.М. Плешакова и Г.С. Шкабина, сделавшими вывод о том, что в рассматриваемом нормативном акте законодатель фактически определял действия, совершенные в состоянии крайней необходимости, общественно опасными, но ненаказуемыми [8].

Таким образом, по УК РСФСР 1926 г. факт причинения вреда в состоянии крайней необходимости мог расцениваться как преступное деяние и порождал уголовно-правовое отношение независимо от соблюдения условий правомерности.

С точки зрения законодательной техники следует признать весьма удачной формулировку опасности, позволяющую более точно определить временные границы состояния крайней необходимости. В частности, в законе указывается на неотвратимую другими средствами опасность. Соответственно толкование этого положения позволяет говорить как о возникшей опасности, так и о предстоящей, но неотвратимой иными средствами.

Отсутствовало единство мнений об основаниях исключения ответственности при крайней необходимости и в судебной практике. При применении нормы о крайней необходимости в судебной практике дела прекращали, указывая, что действия, совершенные в состоянии крайней необходимости, исключают либо виновность, либо уголовную ответственность [14].

Указанные теоретические воззрения в большей своей части нашли реализацию в нормах Основ уголовного законодательства Союза ССР и Союзных республик 1958 г. Они ха-

рактиковались более четкой регламентацией критериев «ненаказуемости» вреда, причиненного в состоянии крайней необходимости. Также причинение вреда в состоянии крайней необходимости признавалось деянием не только ненаказуемым, но и непроступным.

Следует акцентировать внимание на том, что в 1950-е гг. среди отечественных ученых возникла дискуссия о социально-юридической природе крайней необходимости. Одни теоретики указывали, что при крайней необходимости отсутствует общественная опасность как основной признак преступления в советском уголовном праве [2]. Другие, не останавливаясь на этом, признавали вред, причиненный при соблюдении пределов правомерности крайней необходимости, общественно полезным [10].

А.Н. Трайнин придерживался другой точки зрения, которая определяла, что состояние крайней необходимости не исключает общественной опасности деяния, но устраняет его противоправность. Аргументируя свою позицию, он указывал на то, что если в состоянии крайней необходимости происходит столкновение двух интересов, то отсутствуют основания считать, что она, так же как и необходимая оборона, исключает общественную опасность причиненного вреда. «Отсюда необходимо сделать вывод, что состояние крайней необходимости исключает противоправность совершенных в этом состоянии действий. Именно поэтому закон выдвигает особого рода условия, необходимые для признания правомерности действий лица, совершенных в состоянии крайней необходимости» [12].

В УК РСФСР 1926 г. факт причинения вреда в состоянии крайней необходимости мог расцениваться как преступное деяние и порождал уголовно-правовое отношение независимо от соблюдения условий правомерности необходимости. Фактически законодатель признавал действия, совершенные в состоянии крайней необходимости, общественно опасными, но ненаказуемыми. Такой подход позволял признавать крайнюю необходимость самостоятельным основанием освобождения от наказания, а не обстоятельством, исключающим преступность деяния.

Пределы правомерности определялись на основе объективного критерия, путем сопоставления, причиненного и предотвращенного вреда. Данное правило стало основополагающим и применялось в дальнейшем на всем протяжении развития советского уголовного законодательства.

С точки зрения законодательной техники следует признать весьма удачной формулировку, определяющую опасность в УК РСФСР 1926 г., которая позволяет признавать состояние крайней необходимости возникшим как в момент, когда вред правоохраняемым отношениям причиняется, так и в момент возникновения угрозы причинения такого вреда. Подобное толкование временных границ крайней необходимости стало возможным в связи с использованием в норме, ее регламентирующей, указания на неотвратимую другими средствами опасность.

Позитивно воспринимается опыт конструирования норм, являющихся специальными по отношению к общей, предусматривающей крайнюю необходимость. В ст. 140 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г., устанавливающей ответственность за производство аборта, имелась оговорка, не расценивающая производство аборта как преступление в случае, если продолжение беременности представляет угрозу жизни или грозит тяжелым ущербом здоровью беременной женщины. Данная норма выполняет определительно-ограничительную функцию, состоящую в установлении пределов действия общеправовых предписаний. В ней как бы фиксируется точка отсчета, с которой начинается процесс более детального регулирования конкретного вида того или иного родового отношения.

Изучение практики применения нормы, предусматривающей крайнюю необходимость, позволило выделить следующую особенность. В случаях возникновения споров, при определении соразмерности вреда, причиненного по отношению к устраненному, сомнения разрешались в пользу лица, действовавшего в состоянии крайней необходимости.

В 1960–1980 гг. в советской уголовно-правовой доктрине превалировала позиция, согласно которой крайняя необходимость являлась деянием непротивоправным и общественно полезным.

Список литературы

1. Ворблевский А.А., Утевский Б.С. *Уголовный кодекс. Комментарий* / Под ред. Ширвиндта Е. Г. М., 1927.
2. Домахин С. А. *Крайняя необходимость по советскому уголовному праву*. – М., 1956. – С. 19.
3. Кистяковский А.О. *Элементарный учебник уголовного права. Общая часть. Т. I*. Киев. 1875. С. 106.
4. Клоков Г. Е. *Уголовное право. Курс лекций*. – М., 1894–1895. С. 183.
5. *Курс русского уголовного права*. Соч. Лохвицкого А. СПб., 1867. С. 119.
6. Лохвицкий А. *Курс уголовного права*. – СПб., 1871. С. 127.
7. Пионтковский А.А. *Уголовное право РСФСР. Часть Общая*. М., 1924. С. 169.
8. Плешаков А.М., Шкабин Г.С. *Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния*. – Рязань, 2005. – С. 16.
9. Сергиевский Н.Д. *Русское уголовное право. Часть общая*. – СПб., 1905. С. 265.
10. Слущкий И.И. *Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность*. – Л., 1956. С. 92.
11. Таганцев Н.С. *Русское уголовное право. Часть общая в 2 томах*. – СПб., 1908. С. 549–550.

12. Трайнин А.Н. *Состав преступлений по советскому уголовному праву*. – М., 1951. – С. 341–344.
13. *Уголовный кодекс советских республик. Текст и постатейный комментарий* / Под ред. С. Канарского. М., 1924. С. 74.
14. Шаргородский М.Д. *Вопросы общей части уголовного права*. (Законодательство и судебная практика.) ЛГУ., 1955. С. 102–105.

Рецензенты:

Гаврилин Ю.В., д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Тульского филиала Московской академии предпринимательства при Правительстве Москвы, г. Тула;

Борисов С.В., д.ю.н., доцент, профессор кафедры уголовного права и криминалистики НОО ВПО НП «Тульский институт экономики и информатики», г. Тула.